

-
1. *Кисленко А. М.* Аркаим сегодня [Электрон. ресурс]. URL: [//www.arkaim-center.ru/index.php?page=53](http://www.arkaim-center.ru/index.php?page=53)
 2. Личный архив автора.
 3. Мифы народов мира : энцикл. : в 2 т. М., 1992. Т. 2.
 4. *Речкин М.* Окуневский ковчег. М., 2004.
 5. *Сотникова И.* Аркаим — легенда на камнях [Электрон. ресурс]. URL: [//www.strana.ru/journal/18874475](http://www.strana.ru/journal/18874475)
 6. *Угаев М. А.* Виртуальный мир неоязычников [Электрон. ресурс]. URL: [//www.arkaim74.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=60_%3A2010-02-16-08-47-01&catid=9_%3A2010-02-12-14-02-28&Itemid=16](http://www.arkaim74.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=60_%3A2010-02-16-08-47-01&catid=9_%3A2010-02-12-14-02-28&Itemid=16)
 7. *Яшин В. Б.* Новые региональные движения в Сибири на рубеже XX–XXI вв. // Противодействие этническому и религиозному экстремизму : сб. материалов науч.-практ. конф. Омск, 2007. С. 21–36.

Е. В. Харитонов

г. Екатеринбург

Образ мира в удмуртской детской литературе*

Детская литература — важнейшая составляющая общенациональной литературы, обладающая всеми присущими ей свойствами, ориентированная на читателей-детей и потому отличающаяся художественной спецификой. Современные исследователи справедливо полагают, что «детская литература есть одно из социокультурных явлений, сопровождающих развитие в обществе детской субкультуры» [1, с. 17]. Детская литература существует «на пересечении художественного творчества и учебно-воспитательной деятельности и является областью искусства, функции которого — доставлять ребенку эстетическое наслаждение и способствовать формированию его личности» [Там же, с. 34]. Детская книга — особый тип книжного издания, который отражает исторические,

* Работа выполнена в рамках интеграционного проекта УрО РАН «Литературные стратегии и индивидуально-художественные практики пермских литератур в общероссийском социокультурном контексте XIX — первой трети XX в.».

© Харитонов Е. В., 2012

национальные, социальные особенности воспитания подрастающих поколений в конкретную историческую эпоху.

Следует отметить, что комплексного историко-литературного исследования, которое рассматривало бы зарождение, становление и развитие детской литературы, на данный момент нет. Этап зарождения удмуртской детской литературы характеризуют в своих работах такие исследователи, как П. К. Поздеев, В. М. Ванюшев, Т. И. Зайцева, А. Г. Шкляев. Д. А. Яшин, Т. Г. Волкова, П. Домокош. Существуют исследования, раскрывающие специфику творчества отдельных авторов, писавших для детей в разные эпохи и периоды: от 1920–1930-х гг. до современности — это научные и критические труды В. М. Ванюшева, А. Н. Уваровой, Ф. К. Ермакова. Однако следует признать, что проблема создания целостной панорамы развития удмуртской литературы для детей остается нерешенной, но безусловно актуальной.

Настоящее исследование является попыткой выявления факторов формирования мирообраза, создаваемого детской литературой Удмуртии. Материалом для данной работы стала удмуртская поэзия и проза до- и послевоенной поры в переводах на русский язык, предназначенная для младших школьников и младших подростков (7–9 и 10–11 лет). Она представлена в хрестоматиях-сборниках «Дедушкин родник» (составитель и автор предисловия В. М. Ванюшев), «Чипчирган» (составитель и автор предисловия Г. Ходырев), «Родной земли просторы» (составитель В. М. Черыгова), также к исследованию были подключены авторские поэтические сборники Василия Ванюшева «Солнечный каравай» и Германа Ходырева «Счастливая ива».

Следует отметить, что удмуртская детская литература задает семейно-родовую модель существования — она репрезентирована в таких стихотворениях, как «Я — удмурт» и «Друзья, и хлеб, и чистая вода» Василия Ванюшева, «На берегу нового моря» Семена Перевощикова, «Стихи о матери» Максима Прокопьева, «От отцов — к сынам» Флора Васильева, «Нет ничего дороже» Николая Васильева и др.

Темы стихов удмуртских поэтов определяются привычным кругом интересов детей: родной дом, близкие люди, любимые игры, времена года, лес, сад. При этом ощутим также интерес к социальной жизни — отметим такие стихи, как «В поезде» Тимофея Шмакова, «Драчун» Владимира Романова, «На посту» Германа Ходырева и др.

Удмуртской поэзии, предназначенной для детской аудитории, думается, свойственна особая камерность переживаний и чувств, образов и мотивов. Важным оказывается то, что лежит в тайниках памяти, что

происходит в глубине души — там, где все еще длится детство. В этом, как нам представляется, истоки психологизма многих произведений удмуртской детской лирики.

Удмуртским поэтам, работающим для детской аудитории, свойственно умение видеть предмет/явление укрупненным, особенно если оно характерное, положительное, как, например, в стихотворении Галины Романовой «Солнечные ягоды»: «Вот почему сегодня / Опушка так красна / И ягод земляники — / Взгляни — полным-полна. / Горят они повсюду, / Похожие, / Не так ли, — / На маленькие солнца: / Большого / Солнца / Капли!..» [7, с. 68].

Многие предназначенные для детской аудитории стихи удмуртских поэтов являют собой лирику природы — то самое «сочувственное созерцание природы», о котором писал еще А. Н. Афанасьев.

В лирике для детей преобладают образы календарного и суточного времени: отметим стихи «Март» Анатолия Перевозчикова, «Летний дождик» Виктора Шибанова, «Лето» Василия Ванюшева, «Сельское утро» Игнатия Гаврилова, «Серебряное утро» Владимира Романова, «Осенним утром» Германа Ходырева, «Вечер» Иосифа Иванова и др. Образы времен года и образы времени суток позволяют названным поэтам репрезентировать представление о движении и неподвижности и в конечном счете о непрерывной изменяемости мира. В этом контексте можно вспомнить М. М. Пришвина, писавшего, что «по существу вернее времен года нет ничего на свете» [4, с. 280]. Времена года осмысляются как некая универсальная координата бытия, от которой можно вести отсчет. Так, при осмыслении годового календарного цикла В. Ванюшевым используется универсальная мифопоэтическая метафора рождения: «Я услышал / Легкий стук. / Кто в яйце стучит: / Тук-тук? / Догадался: / Из яйца / Надо скоро / Ждать птенца! / А сегодня утром — / Вдруг — / За окном / Опять: тук-тук! / Там большая / Канитель! / Там снега / Клюет капель. / Треснет / Скорлупа зимы — / И весну / Увидим мы!» [2, с. 21].

Образ пространства специфичен: пространства земное и небесное не сопоставлены и тем более не противопоставлены друг другу — они мыслятся в органическом единстве, при этом в стихах формируется представление о предметности близкой, неудаленной, и о пространстве реальном, невоображаемом, — часто это топоры леса, берега реки, лесной лужайки, бора, поля, леса и т. п.

Образ удмуртской деревни — вообще провинции — занимает особой место в удмуртской детской литературе. Он во многом схож для удмуртских поэтов с образом детства: детство тоже своего рода «провинция» по

отношению к взрослому миру. Детство как таковое — своего рода малая родина каждого человека — является самостоятельной темой стихов и прозы удмуртских поэтов и прозаиков.

Сказки и рассказы о детстве в совокупности представляют историю детства в Удмуртии начиная с 1920-х гг. Личное, автобиографическое изображается в единстве с общим, поколенческим.

В рассматриваемых произведениях можно обнаружить два традиционно выделяемых варианта сюжетной структуры: сюжет испытания и сюжет становления. Можно утверждать, что в сказках «Олененок и ручей» Василия Ванюшева, «Дед Мороз и Костя-лыжник» Анатолия Комарова доминирующей является идея испытания, а в рассказах «Давай наперегонки!» Михаила Адрианова, «Недотепа» Василия Садовникова, «В грозу» Михаила Адрианова и других сюжетообразующую роль играет идея становления человека.

В художественных произведениях, предназначенных для детей младшего и среднего школьного возраста, запечатлено классическое видение мира, в котором конфликтные состояния преодолеваются, а развязка оказывает гармонизирующее воздействие. Мир изображается как целостный, упорядоченный, имеющий смысл, а ребенок — как органически причастный этому миру.

Удмуртская детская поэзия и проза, безусловно, формирует национальный образ мира. Факторы формирования такого мирообраза, конечно, различны: это поэтизация традиционного уклада жизни, крестьянского труда, пространство удмуртской деревни, а также тщательно разработанная система лейтмотивов.

Особую роль в лирике и прозе удмуртских писателей играет образ родника, ручья, реки — часто Камы: это стихи «Наша Кама» Германа Ходырева, «Белая Кама спешит» Флора Васильева и др. При этом можно говорить о соотносительности образов воды и дороги/тропинки, их взаимообусловленности и взаимодействии. Дорога так же изменчива, как и вода, текущая вдаль. В этой неизмеримости, бесконечности, изменчивости, удаляемости — прелесть незнакомого, открывающегося мира. Собственно, и река, и дорога воплощают идею пути — это, может быть, важнейшие формы движения: «Как лента желтая — дорога, / Зеленые холсты полей, / И тихо так, что мне с порога / Журчащий слышится ручей» [7, с. 67].

Повышенную семантическую нагрузку несут образы италмаса и чипчиргана. Италмас — это купальница, растение семейства лютиковых с желтыми и оранжевыми цветами. Изображение италмаса становится

образом-эмблемой, метонимически замещающим собой образ края [2, с. 7; 6, с. 6]. Чипчирган — национальный музыкальный инструмент, дудочка; также образ с повышенной семиотичностью, способный замещать собою, по принципу соотношения части и целого, образ родной земли: «Сказали бы: “Где жить, выбирай, / К любым плыви берегам”. / Отвечу: “Всех милее мне край, / Где ты поешь, чипчирган!”». Чипчирган изображается как символ поэтической свободы и воплощение национальной души.

-
1. Арзамасцева И. Н., Николаева С. А. Детская литература : учебник для студентов высш. пед. учеб. заведений. М., 2007.
 2. Ванюшев В. М. Солнечный каравай. М., 1983.
 3. Дедушкин родник : рассказы и сказки удмуртских писателей. М., 1981.
 4. Пришвин М. М. Кладовая солнца : рассказы о природе. М., 2007.
 5. Родной земли просторы : хрестоматия по фольклору и литературе Удмуртии. Ижевск, 2004.
 6. Ходырев Г. Счастливая ива. М., 1989.
 7. Чипчирган : стихи удмуртских поэтов. М., 1985.

Р. А. Шаяхметов

г. Уфа

Мифологический образ станции Раевка в одноименной песне Ильдара Хайруллина

Имя, включая и топоним, уже само по себе является потенциальным генератором новых текстов, смыслов. Среди первопричин, неустанно побуждающих к созданию таких семиотических объектов, — фоносемантические ассоциации. Они с течением времени могут обрести форму локального мифа (к примеру, гидроним *Яхрома* объясняется ситуацией, где сказано ключевое «Я хрома!», астионим *Уфа* — из междометий «Уф! А!»).